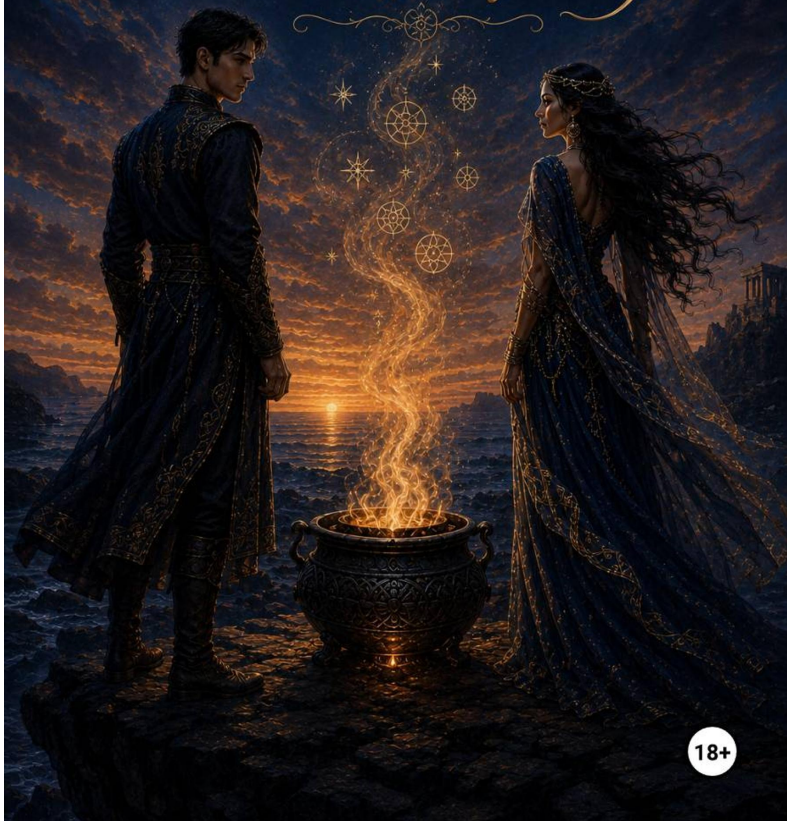

Аманбаева Айсулу

ПОКА ТЫ НЕ ВЕРНУЛСЯ

18+

Айсулу Аманбаева

Пока ты не вернулся

<https://litres.ru/74057803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если ты знаешь имя своего любимого — но он об этом не хочет слышать?

Что если отпустить его оказывается легче, чем позволить себя полюбить?

История о том, что судьба — это не то, что написано. Это то, что выбирают.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Айсулу Аманбаева

Пока ты не вернулся

Глава 1

Мира стояла у оградки большой террасы, увитой декоративными растениями. Внутри было много людей — человек двадцать, не меньше. Они сидели по периметру площадки, а в середине стоял парень. Через несколько минут должна была зайти девушка.

Это была церемония помолвки — момент, когда мужчина предлагает женщине вступить с ним в союз, в долгое путешествие, где пара будет связана узами брака: и в горести, и в радости, и на земле, и на небе. На церемонию приглашались только родственники пары, она была закрытой, и итог жители деревни узнавали лишь по её завершении. Отказы со стороны невесты или её семьи случались редко, но всё же случались — и каждый раз становились трагедией, превращаясь со временем почти в мифы.

Особенно Мире всегда было волнительно слушать историю о молодом мужчине Сифиле и его возлюбленной Ириде. Как и полагалось, они были предназначены друг другу — но из-за вражды их семей и убийства её отца Ирида отказала Сифилу. Он покинул деревню и, как поговаривали, женился

на ком-то другом, но так и не смог забыть её. В конце жизни он послал Ириде письмо. Что там было — никто не знал, но говорили, что после него она не ела и не спала десять дней.

Судьба самой Ириды оказалась не менее печальной. Она так и не вышла замуж, хотя к ней сватались мужчины из других деревень. Жила на окраине, лечила людей травами и никого к себе близко не подпускала. Мира видела её пару раз до самой смерти — одинокую, окутанную светлой печалью. Этот образ, казалось, навсегда запечатлелся в её памяти.

Снаружи прошёл тихий гул голосов, со стороны дома слышалось движение. Мира перевела взгляд с внутреннего экрана своих мыслей на внешний мир — похоже, начиналась самая главная часть церемонии.

Девушка вышла из дома в платье небесно-голубого цвета. От локтя спускались свободные, широкие рукава, создававшие впечатление крыльев. Ткань была расшита прозрачным и серебристым бисером. Волосы длиной до поясницы были убраны красивыми украшениями. На руках, пальцах и ушах сверкало серебро — и при каждом движении украшения в волосах и на ушах издавали лёгкий, чистый звон. Девушка выглядела как принцесса.

Мира смотрела на неё, не отрываясь, и мечтала: когда-нибудь она вот так же будет стоять на церемонии, и её будет ждать любимый человек, и она ответит — да. И будет с ним до конца своей жизни.

Мужчина подошёл к возлюбленной и опустился на одно

колени. Он говорил о том, что просит её стать частью его рода, его клана — быть спутницей, делить горе и радость, быть его тылом и доверить ему свою судьбу. Потом перешёл на древнеолманский — так было принято: часть речи произносилась на языке предков, с просьбой к ним соединить судьбы двоих. Была и ещё одна часть, особенная: мужчина должен был открыть сердце женщине — сказать то, что обычно не говорят вслух.

После этого девушке давалось время подумать. По традиции сразу отвечать согласием считалось легкомыслием — она должна была взять паузу, всё взвесить, задать вопросы, если что-то оставалось неясным. Ожидание могло длиться час или два. Всё это время молодые находились неподалёку от родственников, но никто не мог с ними говорить: считалось, что любое слово способно повлиять на решение. Это должно было быть только их — и ничьим больше.

Прошло полчаса. Девушка что-то уточняла у своего мужчины, но положительного ответа всё не было. У Миры засосало под ложечкой.

А вдруг не получится? Вдруг она ответит отказом?

Ей хотелось выбежать из укрытия и закричать: скажи да, ну скажи же да! От этого зависит твоё счастье, всё твоё будущее — как ты будешь жить без любимого, без любви, всю оставшуюся жизнь? Но она стояла молча. Её не должны были обнаружить. Она и так уже нарушила правила, тайком пробравшись сюда.

Прошёл ещё час. Девушка подошла к мужчине, они о чём-то тихо переговаривались. Напряжение висело в воздухе — плотное, почти осязаемое. Все присутствующие замерли.

Наконец молодые повернулись к родственникам. По их лицам ничего нельзя было прочесть. Они подошли ближе, и девушка заговорила первой. Взяв его за руку, она объявила, что отвечает согласием. Лицо жениха мгновенно засветилось радостью.

Родители с обеих сторон произнесли слова благословения и древние заговоры на олманском — это тоже было частью обряда. Молодые светились от счастья. Теперь их ждало долгое совместное будущее — и, конечно, свадьба.

У Миры сердце затрепетало. Она тоже хотела вот так — любить и быть любимой. А ждать восемнадцати лет, чтобы узнать имя предназначенного, казалось ей бесконечно долгим. Как и любому ребёнку, ей хотелось всего и сразу, прямо сейчас.

Старейшина начал произносить финальные слова благословения, и Мира поняла — надо бежать, пока её не заметили. Особенно ей не хотелось столкнуться с отцом. Ведь Старейшиной был именно он.

Глава 2

Мира и её семья жили в деревне, которая с виду ничем не отличалась от соседних. Те же дома, те же огороды, те же тропинки между заборами. Но у жителей этой деревни было своё — традиция, а может, и поверье: что у каждого человека есть свой предначертанный.

Древняя легенда гласила, что женщины деревни были столь чисты — в помыслах, в поступках, в каждом своём движении, — что в награду за служение богу получили дар, которого не ожидали и о котором не просили: чан предсказаний. С тех пор каждая девочка, рождённая здесь, была вписана в него рукой самой судьбы.

Чан считался священным артефактом. Ради него жители соседних деревень привозили сюда своих беременных жён — чтобы и их дочери могли быть записаны в этом магическом списке, чтобы и у них был шанс найти любовь.

Узнать своё имя из чана девочка могла лишь в восемнадцать лет — на церемонии Откровения.

К этому дню девушку готовила вся семья. Надевалось лучшее платье. На голову укладывались традиционные украшения из цепочек, сплетённых в сложный узор: у одних это напоминало диадему, у других — шлем, у третьих — капюшон. Украшения надевались и на руки, и на шею, и на щиколотки — каждая выбирала по своему нраву. Сильные и воинствен-

ные выбирали массивные, тяжёлые вещи. Нежные и романтические — тонкие, изящные. Яркие — те, что звенели при каждом шаге. Каждое украшение говорило о своей хозяйке больше, чем иные слова.

Когда приготовления заканчивались, вся семья провожала девушку до дома Старейшины.

Дом Старейшины стоял на окраине деревни. Место было выбрано не случайно: с тыльной стороны его защищали два пологих холма, а за ними располагалась территория стражей. На участке росли большие старые деревья. Вдоль дороги тянулся сам дом, а в глубине двора находился церемониальный зал — там проходили собрания глав родов. В отдельной, особо охраняемой комнате хранился чан. Гордость деревни. Её главное достояние, которое берегли и почитали так, как не берегут ни золото, ни землю.

За двором, в окружении деревьев и негромкого ручья, стояла небольшая беседка. Это было самое любимое место Мира.

Здесь она чувствовала себя спокойно. Здесь было можно просто быть — без чужих взглядов, без лишних вопросов. В деревне и её окрестностях всегда находились люди, и стоило Мире показаться, как тут же начиналось: как здоровье Старейшины, вернулся ли из поездки, как сама Мира, как учёба. Ей уделяли внимания куда больше, чем ей хотелось. Ещё хуже было другое — ощущение, что на неё наложены какие-то негласные ожидания. Дочь Старейшины должна быть при-

мером. Должна вести себя правильно. Это давило.

А ей хотелось того же, чего хотят все дети: шкодить, драться с мальчишками, бегать по крышам и лазать по деревьям.

Но беседка была любима не только поэтому. В тишине, под шум ручья и пение птиц, можно было мечтать. А мечтать Мира умела — с богатством и подробностью, которые удивили бы любого взрослого. Она остро чувствовала красоту вокруг, слышала, как меняется голос ветра в разное время дня, замечала, как свет ложится на воду.

И больше всего она мечтала о любви. О большой, настоящей, чистой. О том, чтобы идти рядом с одним человеком — рука в руке, день за днём. Ей хотелось скорее вырасти, скорее узнать его имя, скорее начать ту жизнь, о которой она грезила в своей беседке у ручья.

Глава 3

Сегодня проводилась очередная церемония. Для каждой семьи в деревне это было событием редким и особенным — но только не для семьи Миры. Здесь церемонии шли чередой, почти как смена времён года. Впрочем, отец Миры, Сэндэ, никогда не позволял себе относиться к ним иначе, чем с полным почтением. Для него каждая церемония была ритуалом — таким же неизменным, как утренний чай или первые слова молитвы на рассвете. Начиналась она рано, заканчивалась до десяти утра, а к одиннадцати у Сэндэ уже шли собрания — с главами родов, с помощниками, с гостями из соседних деревень.

Папа был высоким, статным человеком. От него исходила аура власти — негромкой, но ощутимой, как тепло от большого камня. Вытянутое лицо, чёткие скулы, выразительные надбровные дуги, чуть вытянутые глаза — всё в нём было строго и гармонично одновременно. Он редко повышал голос. Ему не нужно было.

Мать, Аалия, была другой. Круглое лицо, аккуратный нос, миндалевидные глаза — тихие и красивые, как у птички. Она была мягкой, женственной, и при этом совершенно непреклонной там, где это было нужно. Она уравнивала строгость мужа — но сесть к ней на шею тоже не получалось ни у кого. Границы она очерчивала спокойно, без лишних

слов, и всегда с достоинством.

Был ещё старший брат — Сэнхел. Серьёзный, вдумчивый, на семь лет старше Миры. Он учился в городской школе-интернате для мальчиков, и дома появлялся только на каникулах. Мире его не хватало, хотя она едва ли призналась бы в этом вслух.

Самой Мире было восемь лет.

В деревенской школе она изучала письмо, грамоту и арифметику. Выдающейся ученицей не была, но и не отставала — просто усидеть на одном месте пока не очень получалось. Она частенько уговаривала подруг на проказы, за что учитель журил её и ставил в угол. Характер у неё был лёгким и миролюбивым — но это до тех пор, пока она не упиралась во что-то, во что верила всей душой. Тогда никакие доводы не помогали. Ни строгий взгляд отца. Ни обстоятельная беседа матери. Она становилась похожа на осадный таран — неуклонный, равномерный, не замечающий препятствий. Это случалось редко, но уж если случалось — переубедить её было невозможно.

Семья принимала её такой, какая она есть. Она была их лучиком света при любой погоде.

Сегодняшняя церемония шла как положено — по всем правилам и ритуалам. Сэндэ встретил юную девушку у ворот своего дома. Рядом стояла её семья. Девушка была нарядной и немного взволнованной — неудивительно: сегодня решалась её судьба.

Мира спряталась в кустах возле церемониального зала.

Раньше ей удавалось видеть лишь то, что происходило во дворе, — и то украдкой, хотя отец строго запрещал ей даже это. Но сегодня она подготовилась заранее. Нашла место с хорошим обзором: отсюда был виден двор, и одновременно — окно церемониального зала, через которое просматривалась стеклянная дверь в комнату с чаном. Стекло в двери было вставлено специально, чтобы впускать свет из основного зала. С утра помощник отца зажёл вдоль стены свечи, и теперь там было тепло и неярко светло.

Ознакомительная часть церемонии подходила к концу. Старейшина объяснил девушке, что сейчас будет происходить. Мать девушки произнесла благословение — и удалась за ворота. Дальше разрешалось только втроём: Старейшина, девушка и помощник. Они поднялись в церемониальный зал. Помощник открыл двери.

Мира быстро переместилась к окну.

И впервые увидела чан.

Это был большой чугунный котёл — массивный, с краями, чуть вытянутыми вверх. По его поверхности шли узоры, но разглядеть их подробнее с такого расстояния не получалось. От чана поднимался пар — как будто внутри что-то варилось. Но под ним не было огня.

Мира стояла у окна, не дыша.

В зал таинств первым вошёл отец. За ним — девушка. Помощник зашёл последним и плотно закрыл за собой двери.

Теперь Мира могла видеть лишь узкие просветы между дверными створками — головы и чуть-чуть плеч, не больше. Как она ни прижималась к окну, слов было не разобрать. Старейшина что-то говорил, потом зачитывал — негромко, размеренно. Это продолжалось около получаса. Мира успела заскучать, переступить с ноги на ногу и уже почти решила уйти — как вдруг увидела, что девушка наклонилась к чану.

Мира замерла.

Девушка что-то достала и поднесла к лицу — небольшой листок. Читала. Потом передала отцу. Тот тоже прочёл, помолчал и что-то сказал помощнику. Помощник кивнул и вышел из зала — быстро пересёк двор и направился к воротам.

Мира знала, что это означало. Если предназначенный жил в деревне, помощник шёл к нему домой. Говорил с парнем. Сообщал новость родителям. И возвращался уже вместе с ним.

Пока помощника не было, отец проводил вторую часть ритуала. Он что-то зачитывал, потом осторожно разрисовывал руки девушки — медленно, сосредоточенно, будто выводил не узоры, а слова на коже. После накрыл её голову лёгким покрывалом.

Помощник вернулся скоро. Рядом с ним шёл сын пекаря — лет двадцати, со светлой шевелюрой, немного взволнованный. Они остановились на пороге церемониального зала и ждали знака. Когда Старейшина кивнул, помощник прошёл первым, парень — следом.

Отец что-то объяснил, показал. Потом попросил помощника и девушку выйти. Около получаса они с парнем говорили вдвоём — о чём, Мира не слышала. Потом Старейшина пригласил девушку обратно и начал рисовать знаки на запястьях у обоих — неспешно, с той же сосредоточенностью, с какой делал всё сегодня.

Когда пара вышла из зала, они держались за руки.

Оба были немного смущены и оба светились. Девушка украдкой поглядывала на своего предназначенного. Парень выглядел чуть растерянным — но в нём чувствовалось что-то новое, будто за эти полчаса он осознал какую-то роль, которой раньше у него не было, и теперь примерял её на себя. Это был лишь первый шаг. Но всё в этом моменте казалось правильным.

То, что написано чернилами судьбы, человеку не оспорить.

Мира смотрела на них из своего укрытия и чувствовала, как внутри что-то сжимается — не от грусти, а от предвкушения. Завтра она расскажет всё Нэри. Та выслушает, округлит глаза и потребует повторить каждую подробность дважды. Нэри была скромнее и осторожнее Миры, на такую вылазку сама бы никогда не решилась — но слушать умела как никто, и любопытства ей было не занимать.

Мира бесшумно выбралась из кустов и побежала домой. Только бы никто не увидел.

Глава 4

Три года спустя

Мира стояла у зеркала и примеряла одно к другому.

За лето она вытянулась на пару сантиметров — совсем немного, но достаточно, чтобы почувствовать себя иначе. Что-то изменилось не только в росте. В этом году она впервые поймала себя на том, что смотрит в зеркало не мельком, а внимательно — как будто знакомится с кем-то новым. Стала заплетать косы, примерять мамины украшения, подолгу выбирать, что надеть. Мама заметила это раньше, чем Мира успела что-то объяснить, и однажды вечером вынесла небольшой резной сундучок. *Твой*, — сказала просто. С тех пор Мира берегла его как что-то важное.

Сегодня она остановилась на белой рубашке с рукавом-фонариком и тёмно-бордовой юбке ниже колен. К ним подобрала маленькие серёжки с перламутром. Волосы оставила распущенными, но передние пряди подхватила лентой и завязала в бантик — чтобы не лезли на лицо. Перекинула через плечо холщовую сумку со школьными принадлежностями и ещё раз посмотрела на себя в зеркало.

Почти хорошо. Почти как надо.

Сегодня была средняя школа. Не маленькая деревенская, где все знали друг друга с пелёнок и учитель помнил имена родителей каждого ученика. Настоящая школа — большая,

с детьми со всех районов. Чужие лица, незнакомые голоса, новые правила. Мира волновалась, хотя и не призналась бы в этом вслух. Успокаивало одно: рядом будет Нэри.

Школа оказалась именно такой, какой Мира её представляла — и совсем не такой одновременно.

Снаружи это было внушительное здание с широкими воротами и двором, где уже толпились незнакомые дети. Голоса, смех, чьи-то крики через весь двор. Мира остановилась у входа и на секунду почувствовала себя очень маленькой. Потом нашла взглядом Нэри — и стало легче.

Первые дни слились в одно: новые лица, новые учителя, непривычно длинные коридоры. Мира быстро освоилась — она вообще привыкала к новому легче, чем Нэри, которая поначалу держалась тихо и близко. Но уже к концу первой недели обе знали, где что находится, как зовут строгую учительницу по арифметике и где лучше всего сидеть в столовой.

На второй неделе Мира увидела объявление о кружке рисования и решила записаться.

В небольшой комнате с высокими окнами уже сидело несколько человек. Мира подписала своё имя в листе записи и огляделась. За дальним столом незнакомый мальчик что-то чертил в тетради — сосредоточенно, не обращая внимания на суету вокруг. Что-то в нём было такое... отдельное. Как будто он существовал немного в другом ритме, чем все

остальные. Мира не успела даже толком рассмотреть его — сзади окликнула Нэри, и она вышла.

Больше она о нём не думала. Почти.

Настоящее случилось позже — и совсем не там, где она ожидала.

Однажды в конце учебного дня Нэри подошла к Мире с каким-то новым выражением лица. Не взволнованным — нет. Скорее тихим и немного светящимся изнутри, как фонарь под тканью.

— Мира, — сказала она, — я хочу тебе кое-что сказать.

Мальчика звали Эсэл. Он был из соседнего района, учился в параллельном классе. Нэри познакомилась с ним на общем уроке ещё на первой неделе, но молчала — присматривалась, по своему обыкновению. Теперь они ходили вместе после уроков. Он провожал её до поворота на её улицу.

Мира слушала и улыбалась. По-настоящему радовалась за подругу — это было видно. Но когда Нэри убежала домой и Мира осталась одна на той же дороге, что-то изменилось в воздухе вокруг неё.

Она шла медленно. Пинала мелкие камушки носком туфли.

В деревне было тихо и по-осеннему золото. Где-то за забором смеялись дети помладше. На скамейке у чьих-то ворот сидела пожилая пара — просто сидели рядом, плечом к плечу, и молчали. Мира посмотрела на них дольше, чем нужно.

Дома она поднялась к себе, бросила сумку на кровать и легла рядом, уставившись в потолок.

Нэри встречается. У Нэри есть кто-то.

Она не завидовала — не по-злому. Просто вдруг остро и ясно почувствовала, как много места внутри неё занимает это желание. Любить. Быть рядом с кем-то своим. Ходить вот так после уроков, говорить ни о чём, чувствовать чьё-то плечо рядом.

Ей было одиннадцать лет, и до восемнадцати оставалось ещё семь.

Семь лет.

Она повернулась на бок и долго смотрела в окно, где темнело небо.

Имя уже было написано. Оно уже существовало — прямо сейчас, в той комнате, в том чане. Рукой судьбы, чернилами, которые не выцветают. Имя человека, который был предназначен ей. Который, может быть, уже ходил по этой деревне. Может, она уже видела его.

Зачем ждать?

Мысль была тихой. Почти невинной.

Но Мира уже знала, что не отпустит её.

Глава 5

Мира отмахивалась от этой мысли как могла.

Отец бы не одобрил — это мягко сказано. Проблемы были бы огромными, и она это прекрасно понимала. Но мысль не уходила. Она возвращалась в самые неподходящие моменты — на уроке, за ужином, перед сном — и каждый раз была немного настойчивее предыдущей.

В школе стало ещё тяжелее. Нэри почти всё время проводила с Эсэлом — они обедали вместе, уходили вместе, и в их маленьком мире для Миры оставалось всё меньше места. Нэри не забыла про неё, нет — просто первая любовь устроена так, что занимает всё пространство целиком, не оставляя зазоров.

Мира ходила в столовую одна.

Она не была изгоем. Знакомства давались ей легко, одноклассники её любили. Но столовая — это не просто еда. Это место, где хочется сесть рядом с кем-то своим и сказать: *ты заметила, как здесь всё по-другому? Учителя другие, правила другие, и даже воздух какой-то другой.* Некому было это сказать. И в такие минуты одиночество становилось очень конкретным — размером ровно с пустой стул напротив.

Спасал кружок рисования.

Их было немного: братья Альмами, всегда державшиеся вместе, тихая староста Лиили, Стеф с вечно перепачканны-

ми чернилами пальцами — и Арэнд.

Арэнд был на класс старше. Мира заметила его ещё в первый день — того самого мальчика за дальним столом, который чертил что-то в тетради, не обращая внимания на суету вокруг. На кружке она старалась садиться поближе. В нём было что-то такое — отдельное, загадочное, как задача без условия. И Мире очень хотелось найти ответ.

Она говорила всякие смешные глупости и наблюдала за его реакцией. Он смеялся — негромко, но по-настоящему — и отвечал что-то остроумное. Ей нравилось это. Нравилось, что он не делал вид, что смешно, когда не смешно, и не молчал, когда было что сказать.

И вот однажды, сидя рядом с ним и смеясь над чем-то уже забытым, она вдруг подумала: *а вдруг это он?*

Мысль была лёгкой. Почти случайной. Но она не вышла из головы — ни вечером, ни на следующий день, ни через неделю. Мира не заметила, как упала в омут — медленно, без всплеска, как падают в тёплую воду. Утром первой мыслью был Арэнд. Последней — тоже он.

Он не проявлял к ней особого интереса. Наверное, потому что был старше и его занимали другие вещи. Но Мира думала: если бы он знал — если бы кто-то открыл ему глаза — всё могло бы быть иначе. Просто подойти и признаться было страшно. А вдруг откажет? Вдруг засмеётся не так, как смеялся над её шутками?

Поговорить было не с кем. Мама была занята зимними

расчётами и подготовкой деревенских запасов — серьёзное дело, которое занимало её с раннего утра до позднего вечера. Нэри виделась с Мирой только на уроках и смотрела сквозь неё влюблёнными глазами.

И в одну из ночей, лёжа без сна и глядя в темноту, Мира решила.

Зачем ждать?

Если там написан Арэнд — она скажет ему, и всё встанет на свои места. Если там кто-то другой — запомнит имя и будет знать, кого искать. В любом случае она ничего не потеряла. План был хорошим. Почти безупречным.

Глубокой ночью она выскользнула во двор.

Только члены семьи и охрана знали: ночью церемониальный зал не охраняется изнутри. Охраняется территория перед ним и периметр двора. Мира это знала — она выросла здесь, выучила маршруты охранников раньше, чем таблицу умножения.

Она перебежками добралась до церемониального зала и спряталась за оградкой террасы. Сердце билось так громко, что казалось — его слышно на другом конце двора. Она дождалась, пока охранник появится в зоне видимости. Потом дождалась, пока исчезнет. Теперь у неё было время — он пошёл обходить заднюю часть двора.

В кармане лежала связка ключей.

Стянуть её было делом нескольких секунд — она прокрадась в родительскую комнату ещё до того, как окончательно

стемнело, нащупала папину мантию на крючке и тихо вытащила связку из кармана. Отец всегда носил её с собой. Сегодня — носил до вечера.

Мира провернула большой ключ в замке. Раз, другой — щелчок. Дверь поддалась с лёгким скрипом, и она замерла, вжавшись в косяк. Тишина. Охранники не слышали.

Она проскользнула внутрь и плотно прикрыла за собой дверь. Темно, тихо, пахнет деревом и чем-то травяным. Она внутри — и значит, полдела уже сделано.

До зала таинств она добралась быстро. Большой замок — большой ключ, всё просто. Он подошёл с первого раза.

С маленькими ключами было сложнее. Их было много, все похожие, в темноте не разобрать. Мира перебирала на ощупь — первый, второй, третий... пятый не подошёл. Она взяла шестой — и в этот момент сквозь щель в двери скользнул свет фонаря.

Охранник.

Мира прижалась к стене и перестала дышать.

Прошло пять минут.

Мира вслушивалась в темноту, не двигаясь. Абсолютная тишина — ни шагов, ни голосов. Она разжала кулак и посмотрела на шестой ключ, который успела намертво сжать в ладони, пока ждала.

Вставила. Провернула.

Щелчок — и дверь в зал таинств открылась.

Внутри было непроглядно темно. Окон здесь не было со-

всем. Мира достала спички и небольшую свечку на подставке — она заранее всё продумала, взяла с собой, чтобы не оставлять следов. Поставила свечку прямо на пол, зажгла. Небольшой дрожащий огонёк — достаточно, чтобы видеть, но недостаточно, чтобы быть заметной снаружи.

Мира наконец выдохнула.

Чан стоял прямо перед ней.

В тусклом свете от него поднимался пар — лёгкий, почти невесомый, как дыхание. Она не решалась поднести свечку ближе, хотя очень хотелось рассмотреть узоры на его боках. Что-то останавливало — не страх, а что-то другое. Благодарение, пожалуй. Она стояла перед ним как перед чем-то очень живым.

Ну всё, — сказала она себе. — Надо действовать. Времени немного.

Она не знала ни ритуальных слов, ни того, что именно говорил отец во время церемонии. Поэтому решила говорить своими.

— Пожалуйста, — прошептала она в темноту, — дорогие, божественные, тайные и магические силы... дайте мне узнать имя моего возлюбленного. Того, с кем я буду до конца своей жизни.

Она медленно опустила руку в чан.

Она ожидала воды. Или пустоты с бумажками на дне. Но это было похоже на очень плотный туман — такой, который можно потрогать руками, который расступается под пальца-

ми и тут же смыкается снова. Мира поводила рукой по дну — и нащупала бумажку. Взяла её. На всякий случай ещё раз провела кулачком вдоль стенок — больше ничего, только чугу́н и этот странный туман.

Вытащила руку.

Сердце колотилось так, что мешало думать. Мысль мелькнула трусливая и быстрая: *может, вернуть всё на место? Положить обратно, уйти и сделать вид, что ничего не было?* Бумажка была зажата в кулаке, и Мира чувствовала её — маленькую, чуть тёплую, почти живую. Или это просто её собственный пульс отдавался в ладони.

Хорошо, — решила́сь она. — *Смотрим.*

Она разжала руку. Бумажка была сложена вдвое. Мира развернула её и поднесла к свечке.

Сильве Арэнд.

Она прочитала дважды. Потом ещё раз — на всякий случай.

Радость поднялась в груди так стремительно, что она едва не засмеялась вслух. Он. Именно он. Она боялась — так боялась, что там окажется чужое, незнакомое имя. А там был он.

Завтра же скажу ему. Прямо завтра. Ему даже искать никого не надо — вот она, я здесь.

В голове уже кружились мысли — как сказать, показать ли бумажку, как именно начать разговор. Она аккуратно сложила листок и спрятала в карман халата. Задула свечу. При-

открыла дверь — тихо, медленно — и прислушалась.

Никого.

Она вышла, закрыла зал тайнств, потом церемониальный зал, добежала до дома — охранников не было видно. Уже в коридоре едва не забыла вернуть ключи на место. *Страшно подумать*, — мелькнуло у неё, — *если бы отец не нашёл их утром*.

Она скользнула в родительскую комнату, повесила связку обратно на крючок и на цыпочках вернулась к себе.

Легла. Закрыла глаза.

И сразу провалилась в сон.

Глава 6

Шесть лет спустя

Мира спустилась в подвал за фамильными украшениями.

Нэри была старше на полгода, и сегодня у неё была церемония в зале таинств. Мира пришла с утра — помочь собраться, как делала бы старшая сестра. Формально это было семейное мероприятие, но Нэри настояла, и никто не возражал.

Украшения нашлись быстро. Мира поднялась в спальню подруги.

Нэри сидела у зеркала в белом платье до пола — лаконичном, хорошо скроенном, без лишних деталей. Русые волосы, карамельная кожа, карие глаза с мягким светом внутри. Небольшого роста, хорошо сложенная — в ней была какая-то особенная соразмерность, как в хорошо написанном стихотворении.

Мира заплела с двух сторон тонкие пряди, чтобы подобрать волосы с лица, и надела на голову украшение из серебра и жемчуга. Оно легло на русые волосы как будто всегда там и было. Потом помогла завязать серебряный пояс. Нэри надела остальное сама.

Они посмотрели в зеркало — обе, рядом.

Мира была почти на полголовы выше. Тёмно-каштановые волосы, белая кожа, мамины миндалевидные глаза и мягкий

овал лица. Но широкие прямые брови и прямой нос с высокой переносицей давали всему облику что-то упрямое — особенно когда она сводила брови к переносице, что случалось часто: когда думала, когда не соглашалась, когда решалась на что-то.

— Как думаешь, — спросила Мира, не отрывая взгляда от зеркала, — там будет имя Эсэла? Или кого-то другого?

— Я думала об этом, — ответила Нэри спокойно. — Решила принять как данность. Тем более мы с Эсэлом уже почти год не вместе.

Это было болезненным решением — для обоих. Между ними была настоящая любовь, и это знали все. Но ближе к совершеннолетию что-то начало трещать: ссоры, тревога о будущем, страх оказаться не теми, кто написан друг у друга в бумажках. Эсэл даже предлагал не проходить церемонию — просто уйти вместе, в другую деревню, начать сначала. Нэри отказалась. Она была слишком традиционной по природе, слишком верила, что настоящее счастье — только с тем, кто предназначен.

Нэри обернулась и посмотрела на подругу.

— А ты? Твоей бумажки ведь там уже нет. Ритуал не получится провести так, как было задумано. Что ты будешь делать?

Мира нахмурилась. Она и правда не думала об этом в одиннадцать лет — что лишает себя чего-то невозвратного. Праздника, семейного провожания, благословения у ворот.

Потом улыбнулась.

— Думаю, ничего страшного. Меня у меня никто не отнимет.

Процессия выдвинулась к дому Старейшины. Когда Нэри запустили внутрь, Мира осталась у ворот — ждать.

Примерно через полчаса вышел помощник и направился на север деревни. *Интересно*, — подумала Мира, — *кого приведут?* Она надеялась, что подруга будет счастлива, хотя и подозревала, что та до сих пор не отпустила Эсэла до конца.

Когда помощник вернулся, рядом с ним шёл стройный пожилой мужчина. На вид — далеко за сорок.

Все застыли.

Родители Нэри переглянулись. Кто-то из братьев тихо охнул. Мира почувствовала, как напряжение разлилось по двору — плотное, почти осязаемое. По правилам никто не мог ничего сказать, пока церемония не закончится. Оставалось только ждать.

Сорок минут тянулись как несколько часов.

Когда Нэри наконец вышла за ворота, родители бросились к ней с расспросами. Она подняла руку — спокойно, но твёрдо — и подождала, пока все замолчат.

— Это дядя Эсэла, — сказала она с тихой улыбкой. — Его семья не дома — бабушка со стороны мамы умерла, они уехали. Дядя пришёл как доверенное лицо. Когда они вернутся, он всё объяснит Эсэлу.

Мать Нэри прижала руку к груди. Кто-то выдохнул. Дядю Эсэла пригласили на праздник.

Праздник прошёл хорошо — шумно, тепло, с долгим застольем. Уже поздно вечером Мира сняла туфли с отёкших ног и поставила их у порога.

Завтра в школу.

Глава 7

Утро началось с того, что Мира нашла Арэнда в столовой и подсела к нему.

За шесть лет это стало привычкой — такой же естественной, как расчёсывать волосы или класть сахар в чай. Они перебросились парой дружеских колкостей, как делали всегда, и Мира на секунду поймала себя на том, что улыбается раньше, чем успевает подумать.

Шесть лет. Многое изменилось.

Она вспоминала себя в одиннадцать — как врывалась в его жизнь со всем своим неуёмным обожанием. Записалась на все кружки, которые посещал он. Появлялась на всех мероприятиях, где он участвовал. Ходила за ним по школе с твёрдым намерением доказать, что они предназначены друг другу. Сейчас она вспоминала это с неловкостью — той особенной, от которой хочется зажмурить глаза и помотать головой.

Особенно она помнила то утро после чана.

Она полезла в карман халата — и не нашла ничего. Бумажка исчезла. Тогда она пошла на рисование и рассказала Арэнду всё — без утайки, как есть. Он внимательно выслушал. Предложил проводить до дома.

Вот, началось, — подумала она тогда.

Но он сделал другое. Попросил помощника провести его

к Старейшине. И в тот же вечер отец знал всё.

Наказание было суровым: месяц дома, никакого общения, только репетитор. Мира сидела взаперти и злилась — на себя и на Арэнда поровну. *Как он мог.* Потом злость на него прошла, а на себя осталась ещё надолго.

Отец помимо выговора объяснил: всё в ритуале сделано не зря. Одна бумажка даёт только имя — и не более. И даже это имя не может покинуть зал таинств. Бумажка материализуется для прочтения — и возвращается. Мира тогда слушала и кивала, но внутри ещё долго кипела.

Арэнд, впрочем, не изменился. Он никогда не делал вид, что того разговора не было, но и не возвращался к нему. Просто продолжал быть собой — спокойным, острым на язык, немного закрытым. Мира постепенно поняла: напором его не возьмёшь. Он из тех, кого нельзя убедить — можно только заслужить.

Последние два года она выбрала другую тактику. Просто быть рядом. Быть его другом, его воздухом — но не перекрывать кислород.

Это давалось труднее, чем преследование. Но она держалась.

Иногда накрывало беспокойство другого рода. Без ритуала на восемнадцать лет — а его у неё уже точно не будет — как вообще должно сложиться? Все глупые поступки по-настоящему понимаешь только тогда, когда начинаешь платить за них цену.

Арэнд в этом году заканчивал школу. Поступал в столичное училище на архитектора механизмов — у него были все шансы. Мира планировала закончить учёбу на полгода позже, но взяла дополнительные предметы, чтобы успеть раньше срока. Переехать в город. Вслед за ним — хотя вслух она этого не формулировала даже себе.

Сам Арэнд как-то сказал ей, что стоит попробовать классическую архитектуру. У неё был талант к рисованию, чувство пространства, эстетический вкус — и она, как и он, хорошо делала расчёты. Мира запомнила это. Не потому что он похвалил — а потому что он заметил.

Почти всё свободное время теперь занимала учёба. Они часто сидели в библиотеке вдвоём — до позднего вечера, с книгами и конспектами, говорили о поступлении, о будущем, делились тем, что беспокоит. Однажды Мира рассказала ему, что после истории с чаном отец хотел установить над ней жёсткий контроль. Но мама тогда мудро заметила: если бы не особое провидение, девочке такое было бы не осуществить. Значит, у неё особая судьба — не похожая на других, и сбивать её с дороги не стоит, куда бы она ни шла.

Арэнд выслушал и сказал, что в этом есть смысл. Но тему с его именем на бумажке комментировать не стал. Они вообще старались обходить её стороной — молчаливым согласием обоих.

В тот вечер они засиделись в библиотеке особенно долго. Свечи на столе почти догорели. За окном давно стемне-

ло. Мира почувствовала, как усталость наливается в плечи — тихо, постепенно, как вода в лодку. Она не заметила, как прислонилась лицом к плечу Арэнда. Обычно она не позволяла себе такого — берегла дистанцию, которую выстраивала два года. Но сейчас просто не было сил держаться.

Она вдохнула — знакомый, тёплый запах. Такой родной, что стало почти больно.

Как было бы хорошо — всегда вот так. Рядом. Никто не понял бы её так, как он. Никто.

Она вздохнула и посмотрела на него.

— Ар. Почему мы не можем просто быть вместе? — сказала она тихо. — Почему не можем быть просто счастливы?

Он замер. Потом медленно выдохнул и повернул голову.

— Мими. — Голос у него был ровным, но в нём было что-то, что она не умела читать. — Ты же знаешь как я к тебе отношусь.

— Знаю, — сказала она. — Поэтому и спрашиваю.

— Я не хочу, чтобы кто-то диктовал мне, как жить. Кого любить. С кем быть. — Он помолчал, подбирая слова. — Я ценю тебя. Правда. Но...

Он не договорил. Не нужно было.

Как друга. Она знала продолжение наизусть.

Мира смотрела ему прямо в глаза — не чтобы переубедить, а чтобы понять что-то для себя. Спорить было бесполезно. Принимать поражение она не была готова. Что именно она собиралась сделать в следующую секунду — она и са-

ма не знала.

Она стремительно придвинулась и чмокнула его в щёку.

Пока он не успел опомниться — схватила книгу и вылетела из библиотеки.

На улице она не остановилась. Шла быстро, почти бежала, и не думала — правильно это или нет. Просто хотелось это сделать. И она сделала.

Глава 8

Арэнд уехал в город в начале лета.

Следующее поступление было в начале зимы. Мира готовилась изо всех сил — и старалась не думать о том, получится ли попасть в то же училище, что и он.

После того вечера в библиотеке она не приходила в школу почти неделю. Сидела дома, смотрела в окно и не находила себе места. Когда наконец вернулась — Арэнд вёл себя так, будто ничего не было. Ни намёка, ни взгляда в сторону. Просто здравствуй, как дела, слышала про контрольную в пятницу.

Мира не знала, легче ей от этого или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.